

Владимир Алексеевич Громов писал когда-то о малой родине: «Речка моего детства и юности Рыбница и Ока, в которую она впадает, берут начало недалеко друг от друга – в самой глубине России и сливаются в общий поток под Орлом. Они обе возрастают ручейками, ручьями и вешними водами, летними и осенними дождями, чтобы сообщая с другими притоками проделать долгую, извилистую дорогу до Нижнего Новгорода и там уже соединиться навсегда с матушкой Волгой. Чтобы слиться потом с Волгой».

Он родился 11 января 1929 года в деревне Красная Ивановка Свердловского (ныне – Глазуновского) района Орловской области в семье крестьянина. Ребенком пережил тяжёлые годы фашистской оккупации, познал тяготы сельского труда. Босоногий школьник, потом разнорабочий-колхозник без паспорта, мечтавший учиться и учиться...

В 1948 году поступил в Орловский учи-

тельский институт (это учебное заведение готовило учителей для семилетних школ), по его окончании работал преподавателем русского языка и литературы в Глазуновской средней школе и тогда же поступил в педагогический институт. Писатель Василий Катанов вспоминал: «Осень 1950 года свела нас в старинном двухэтажном доме на Московской улице, в Орловском пединституте: я поступил на первый курс литфака, Громов учился уже на третьем. Сближало нас многое, особенно страстная любовь к чтению, к русской классике. Встречались мы в читальных залах, в коридоре между лекциями, в литературном кружке, которым руководил доцент М.В. Минокин. Целеустремлённый, деловой, умеющий беречь каждую минуту, Владимир Громов вызывал желание подражать ему. Помнится, я задумывал написать пьесу с главным героем, похожим на него... Печататься Громов начал

ещё студентом. В 1953 году Министерство просвещения РСФСР признало лучшими в конкурсе студенческих научных работ наши сочинения».

Свои творческие силы молодой филолог пробовал не только в литературоведении, но и в краеведении, поэзии. Одним из первых вступил в областное литературное объединение, которым руководил писатель Евгений Горбов. Писал стихи, печатал их под псевдонимом В. Акимов. Три стихотворения потом вошли в коллективный сборник «Наше утро» (Орёл, 1955). «В новом сельмаге» – живой рассказ о сельских буднях:

*Не тёплым летом на лугу,
А в день морозный, звучно снежный,
Среди деревни, на снегу,
Цветы пылали краской нежной,
Весна как будто зацвела,
Опередив природы сроки.
...И вот текут среди села
Людей шумливые потоки.*

А вот стихотворение «Гром»:

*Хоть и не было ни души
Во дворе этим ранним часом,
Но опять кто-то неба ширь
Золотым кнудом опоясал.*

Третье – лирическое:

*И вот растаял снег,
Опять пришла весна.
Глядишь –
И зацветут ромашки вскоре.
Но где ж твой звонкий смех?
Чего же ты грустна?
Не оттого ли, что со мною в ссоре?*

Недаром кто-то из маститых литературных критиков заметил: «Чтобы быть литературоведом не обязательно быть поэтом. Но для того, чтобы стать хорошим литературоведом, обязательно нужно вначале

быть поэтом». Громов, вскоре отказавшись от стези профессионального поэта, тем не менее очень любил Пушкина и Некрасова, Маяковского и Твардовского.

Молодого даровитого филолога заметили – в 1952 году он был принят на должность младшего научного сотрудника орловского музея И.С. Тургенева. Ветеран музея Раиса Митрофановна Алексина так вспоминала первый рабочий день своего коллеги: «Мы спросили вошедшего новичка, как его зовут. Он ответил: «Володька». А отчество? Резко взмахнул рукой: «Володька». И именно он потом, после аспирантуры, принёс в музей академическую школу». А пока... Как вспоминал другой «музейный старожил» Борис Викторович Богданов, «его творческая биография началась с работы в Спасском-Лутовинове. Он косил сено и собирал яблоки в тургеневском саду, создавал экспозиции во «флигеле изгнанника», с утра до вечера проводил экскурсии по усадьбе; ходил тургеневскими тропами на Бежин луг и Бирюков колодезь, записывал рассказы старожилов».

Уже в 1953 году Громова назначают на должность заместителя директора музея по научной работе, спустя два года принимают в аспирантуру Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР в Ленинграде. Там Громов прошёл хорошую школу академика М.П. Алексева, давшую и основы, и направление дальнейшему творческому росту и всей деятельности. Громов был знаком с Алексеевым с того дня, когда академик выступал в Орле осенью 1952 года на тургеневских чтениях, посвящённых столетию «Записок охотника». Тогда большой знаток истории литературы говорил о всемирном значении этой книги: «Для таких вечных произведений не страшно время. Для них не существует ни пространства, ни государственных границ, ни национальных отличий или языковых преград. Рано или поздно они найдут своё

место на библиотечных полках во всех концах света и в сердцах читателей всех народностей...»

Впереди у молодого исследователя были годы работы в библиотеках и архивах (сколько знаний, внимания и терпения требовалось, чтобы точно воспринять рукописный текст выцветших чернил на пожелтевших страницах с ятями и виньетками), общение с выдающимися учёными и писателями (и не только в столицах, но и в Орле, куда они зачастили тогда на многие научные и творческие встречи, посвящённые прежде всего И.С. Тургеневу, а также другим писателям-орловцам). Спустя годы Громов признавался, что только в аспирантуре «узнал, а точнее сказать, осознал и понял, что родился, вырос и жил вплоть до зрелых лет в ближайшем соседстве с уголком земли, прославленным на века Николаем Лесковым – могучим художником русского слова, кого другой современный ему отечественный гений – Л.Н. Толстой назвал не без оснований писателем будущего... Целая эпоха так называемого воинствующего атеизма изъела из духовного обихода нескольких поколений прежде всего русских людей (что, конечно, особенно обидно), властно отобрала художественно-публицистическое наследие Лескова, Достоевского и многих других выразителей нашего национального самосознания».

Духовной жаждою томим, Громов всё дальше шёл в своих поисках и открытиях. В течение трёх лет он был внештатным преподавателем годичных курсов ученичества при областной библиотеке имени Н.К. Крупской. В 1961 году была издана его брошюра «Писатели-орловцы», в 1962 году вступил в Союз журналистов СССР, в 1963-м – защищена кандидатская диссертация «Повести И.С. Тургенева 1840-х – первой половины 1850-х годов». Со следующего года началась работа в родном Орловском

педагогическом институте – преподавателем, доцентом, старшим научным сотрудником, профессором (рос «чинах» и институт – сначала педагогический университет, затем университет классический). Но опять же одного преподавания было мало страстной натуре. В канун празднования 400-летия со дня основания города Орла он берётся за большую, панорамную тему истории литературной жизни тургеневского края. Наброски будущей книги появляются в периодической печати, другие статьи и очерки – в столичных журналах и сборниках. Так, очень полезным и деятельным оказалось сотрудничество Громова в альманахе «Охотничьи просторы», здесь в канун 150-летия со дня рождения И.С. Тургенева были напечатаны пять очерков орловского исследователя: «Писатели-охотники и “Карманная книжка” Л.Н. Вакселя» (1962), «Ружьё и лира Тургенева» (1964), «Охотник былых времен (о Н.В. Киреевском)» (1966), «Забытые воспоминания о Тургеневе-охотнике» (1966), «На охоте в Спасском» (1967).

С редактором «Охотничьих просторов» Николаем Смирновым у Громова сложились добрые творческие отношения. Владимир Алексеевич вспоминал годы спустя: «Этот нешумный человек о многом рассказывал мне при встречах из своего прошлого. Я часто вспоминал наши разговоры». А рассказать было о чём. Прозаик, поэт, критик и буниновед Николай Павлович Смирнов (1898–1978) – в середине 1920-х годов был секретарём редакции журнала «Новый мир», в эти и последующие годы выступал как литературный критик, автор рассказов и очерков на страницах газет и журналов. В 1934 году был принят в Союз писателей СССР, но вскоре арестован. Четыре года провёл в лагерях на Севере, там же на Севере воевал в годы Великой Отечественной войны. В 1950 году основал альманах «Охотничьи просторы», но в Союзе писа-

В. А. Громов

телей был восстановлен только в 1959 году. Смирнов – автор книги о Пришвине («Михаил Пришвин. Очерк жизни и творчества», 1953), множества публикаций о Тургеневе и Бунине.

Примечательно, что это была не первая встреча Громова с репрессированным коллегой. Вот как конспективно он вспоминал, например, об общении с Петром Ткачевским, орловским музейщиком 1920-х годов: «После всех репрессий и других превратностей судьбы он посетил в конце лета 1961 года Орёл, ему перевалило тогда уже за 80 лет. Будучи в ту пору заместителем директора Тургеневского музея по научной работе, я сопровождал его в городе, а в Спасском-Лутовинове его встретил Б.В. Богданов. Партфункционеры уклонились от общения с ним, оберегая чистоту своих ослепительно белых одежд. Ну а нам, беспартийным тогда и всегда, было очень интересно поговорить с таким человеком».

Неудивительно, что умудрённый жизнью Смирнов примет самое деятельное участие в судьбе Громова, переживавшего удивительный творческий рост. 150-летие

со дня рождения Тургенева, время предшествующее дате и последующее, стало поистине звёздной порой в жизни Громова. За три года появилось более двадцати его публикаций о Тургеневе в орловской прессе, множество статей на другие литературные темы (просто перечислю названия): в «Орловской правде» – «Горький и музей Тургенева» (1967, 5 окт.), «Карамзин в Орловском наместничестве» (1967, 12 июн.), «Орловская встреча поэтов» (А.А. Фета и А.К. Толстого) (1967, 5 сент.), «Горький – читатель» (1967, 23 нояб.), «Самородки» (о творчестве поэта-орловца И.И. Селихова) (1968, 6 янв.), «Современники» (о юбилейном номере «Отечественных записок» и писателях-орловцах) (1968, 4 февр.), «Радость служения людям» (о связях А.М. Горького с Орловским краем) (1968, 28 марта), «В огненные годы» (Маяковский об Орле и орловцах в 1919 – 1921 гг.) (1969, 16 окт.); в газете «Орловский комсомолец» – «Шелест страниц, как шелест знамён» (1967, 15 апр.), «Другу и учителю начинающих» (о связях молодых орловских литераторов 1920-х гг. с А.М. Горьким) (1968, 27 февр.), «Рождение человека и писателя» (Горький и Орловщина) (1968, 28 марта) и т.д. Именно на страницах «Орловского комсомольца» Громов откликнулся на открытие памятника Тургеневу в Орле («Право на бессмертие», 1968, 2 окт.).

А ещё было много статей Громова о Тургеневе, опубликованных в юбилейные дни в московских журналах и научных сборниках. В Приокском издательстве вышла в свет книга «Здравствуй, город Тургенева! Литературные очерки Орла» (Тула, 1967). На её выход откликнулись Василий Катанов в «Орловской правде», Борис Попов в «Орловском комсомольце», были публикации в воронежском журнале «Подъём», в столичном еженедельнике «В мире книг». Два года спустя снова в Приокском издательстве выходит книга Громова «Предания Бежина

луга: Рассказ И.С. Тургенева “Бежин луг” в цикле “Записок охотника”» (Тула, 1969).

Когда пришли к читателю эти книги, редактор «Охотничьих просторов» Смирнов поставил вопрос о приёме литературоведа в Союз писателей СССР и сам дал первую рекомендацию Громову. Коллеги по писательскому цеху поддержали это предложение – так 41-летний доцент пединститута получил ещё и писательский билет. Тогда же он был награждён юбилейной Ленинской медалью, спустя три года стал лауреатом Тургеневской премии Орловского отделения Союза журналистов СССР, в 1979 году – заслуженным работником культуры РСФСР.

В 1970-е – 1980-е годы Громов написал ещё десятки научных работ, множество статей для периодики (и не только о Тургеневе, множество публикаций, например, было посвящено Н.С. Лескову). Василий Михайлович Катанов вспоминал: «Подолгу пропадал в библиотеках и архивах. Уезжал в Москву и на берега Невы. Всюду архивы были ему лучшим местом пребывания. Вернувшись, рассказывал о находках. Выступал, как и наш общий друг Л.Н. Афонин, везде, куда приглашали. Мастерство устного слова росло на наших глазах. Когда Громов начинал говорить, зал замирал. Провожали его с трибуны бурей аплодисментов. С блеском используя редкую память свою, цитировал стихи и прозу, приводил удивительные факты из жизни писателей».

А вот воспоминания бывшего директора музея И.С. Тургенева Нины Максимовны Кирилловской: «Когда объявляли, что слово предоставляется Громову, кто-то обязательно говорил: «Сейчас наш «златоуст» загремит». Быстрым, энергичным шагом, высокий, оживлённый, поправляя на ходу волосы, он подходил к трибуне и с места в карьер начинал: «Друзья мои...». В руках всегда стопка карточек – выписка из архи-

ва. Никто не смотрел на часы, все внимательно... Слушать его было одно удовольствие. Я больше запомнила не теоретические выступления Громова на научных конференциях, а рассказы об отдельных находках в архивах и библиотеках, каждую из них он мог подать великолепно. В те годы буквально вся страна заслушивалась выступлениями Ираклия Андроникова. Мне тоже довелось его слышать. Глядя на Громова, я думала: «Это наш, свой, орловский Ираклий Андроников». Так я продолжаю думать и сейчас».

Громов был одарённый человек, способный на глубокие душевные переживания. Прямое, чёткое и, главное, громкое выражение мысли было ему куда созвучнее иронии. А ещё он был удивительно незлобив и необидчив, щедро делился своими знаниями с каждым, кто в этом нуждался. Ему была свойственна готовность сразу вступить с человеком в беседу и сходу решать с ним самые разнообразные вопросы – от бытовых до бытийных. То была лавина фактов, пиршество мыслей. Поражала его способность увлекаться темой до самозабвения (из коллег по факультету таковым был Л.Н. Афонин, безвременно ушедший из жизни в 1975 году, и в последующее время – пожалуй, только ещё профессор Р.Н. Попов).

У него было почти религиозное уважение к святости литературы. Сочетая широту эрудиции и страсть проповедника, Громов считал, что литература – дело непременно живое, а литературоведение должно говорить на человеческом языке. Удивительные экскурсии в прошлое были, пожалуй, самым ценным в его преподавательской деятельности. Всегда стремясь преодолеть разрыв между поколениями, Громов зажигал в учениках интерес к будущей профессии. Именно в такие минуты его студенты становились филологами, педагогами, личностями.

Все противоречия яркой и трагической эпохи сошлись в его душе многоголосьем,

которое порой до боли переполняло его. Когда он «бушевал», в голосе, мимике звучал набат. То, что у другого могло выглядеть наигранным или нарочитым, у Громова было естественным и не подлежало обсуждению.

Но вот парадокс: в научной работе Громов был собран и строг в изложении, озабочен точностью и ясностью выражения своих мыслей, выверенностью цитат и их соответствием даже не академическим трудам, а архивным первоисточникам. Тот, кого студенты в аудитории, слушатели курсов, участники литературных вечеров (а ещё он вёл кружок детской литературы на факультете начальных классов) знали как яркого оратора, наедине с чистым листом бумаги оказывался скрупулёзным критиком и летописцем, знающим место каждой букве, каждой цифре. Громов многократно проговаривал (на заседаниях кафедры, в общении со студентами, на писательских собраниях, в архиве) то, над чем работал.

Мне выпала удача познакомиться с этим незаурядным человеком летом 1986 года, когда я приехал в Орёл из Воронежа и стал работать корреспондентом идеологического отдела «Орловской правды». Громов часто заходил в наш отдел, непременно с рукописью очередной статьи. Поначалу его материалы готовила в печать корреспондент Татьяна Богданчикова, а когда она осенью того же года перешла в отдел писем, громовские листки прямиком ложились на мой рабочий стол. Только по тургеневской тематике Громов напечатал в «Орловской правде» в 1987 году четыре статьи, в следующем – пять, а уже в 1989-м – 12. Были его выступления тогда в печати и по самым разным другим темам.

Признаюсь, редактировать эти тексты было одно удовольствие: достаточно пробежать строки глазами, чтобы на всякий случай знать тему будущей публикации. Ни стилистических огрехов, ни грамматических ошибок, ни смысловых нестыковок –

ничего этого не было. Даже заголовок всегда уместен и удачен.

При встречах Громов в отделе непременно рассказывал о своих находках в архивах, мимолётно откликнулся на новости культурной жизни в Орле, всегда был готов ответить на наши вопросы по поводу тех или иных сомнений (в редакционной почте было немало материалов, требующих уточнения исторических и литературных фактов, оценок, дат и т.д.). Помню, я попросил у него автограф на только что вышедшей в Приокском книжном издательстве монографии «Писатель и критика». Он размашисто написал: «Земляку Кольцова от земляка Тургенева».

И здесь хотелось бы заметить, что почерк, тексты Громова были прямым и ясным отражением его натуры. Угловатое написание букв, скоропись – это от энергии мысли и чувств. Мера в объёме статьи – от академических привычек. А ещё, к примеру, он щепетильно относился к каждому листку бумаги: большинство статей писал на чистой стороне страниц, которые прежде были чьими-то курсовыми работами или студенческими докладами. Более того, материалом для рукописей Громову служили даже оборотные стороны ведомостей, предвыборных агиток или политических листовок. Однажды я обратил его внимание на то, что на листе с чьей-то кандидатской программой виден засохший клей. Громов добродушно улыбнулся: «Да, на Посадской, на остановке такого добра много расклеено, вот я и взял несколько листов, чтобы они не пропали даром, а послужили газете». И ещё штрих – абсолютно все свои рукописи после публикации в газете, в отличие от других авторов, Громов забирал из редакционного архива домой. Причину этого он не объяснял, но можно было догадаться, что из этих листков постепенно должна сложиться большая книга...

Как истинный интеллигент, он не любил пышности и вычурности. Вспоминают, что в святая святых – отдел рукописей Пушкинского дома в Ленинграде – приходил в сандалиях на босу ногу. А мне Громов рассказывал, как в питерский архив утром пришёл с половиной буханки хлеба в авоське (вместо обеда) и вахтёр, бывшая блокадница, спросила его, откуда он приехал. Громов ответил, и тогда привратница добродушно улыбнулась: «Орёл – город хлебный!»

Я часто встречал его на Ленинской улице или на площади Ленина. Всегда он шёл быстро и деловито, с неизменным старым портфелем. Кутаться не любил: едва ли не в самый сильный мороз согревало лишь выдавшее виды серое осеннее пальто и берет в стиле 1960-х... В более тёплое время года – тёмно-синий болоньевый плащ из той же легендарной эпохи. А ранним утром профессора и вовсе можно было увидеть где-нибудь на улице Салтыкова-Щедрина в самом простецком, хлопчатобумажном спортивном костюме: это он из дома на бульваре Победы бежал на берег Орлика, чтобы поплавать в ледяной воде, сделать привычный комплекс упражнений... Задумайтесь: многим ли удаётся запросто шагать или лететь трусцой по улицам города и при этом оставаться его гордостью, частью духовного мира многих и многих горожан?

В самом деле, за привычным присутствием Громова в будничной и нередко бурной жизни перестроечного Орла тогда стояло уже нечто большее и важное: перестройка сняла запреты с множества тем, открыла тайные фонды архивов и больших библиотек. Хлынула старая боль, во весь рост поднялись жёсткие вопросы. Та же тема политических репрессий была для профессора не повесткой новых газетных публикаций, а глубоко личной трагедией. Его отец, болховский уроженец, участник

первой мировой войны, 55-летний колхозный бригадир Алексей Алексеевич Громов в первой половине 1941 года (!) сказал при свидетелях: «Боюсь, Гитлер нас обманет». Тут же нашлись деревенские «доброхоты», сообщили в НКВД, и отец 12-летнего Владимира получил десять лет лагерей, там и сложил голову... А начавшаяся вскоре Великая Отечественная океаном крови подтвердила те пророческие слова.

В очерке «Знать свою Россию», который я готовил к публикации в «Орловской правде» (напечатан 29 октября 1989 года), Громов писал:

«Насильственное раскрестьянивание страны, прежде всего России, ударило не только по живым людям – миллионам земляпашцев, но, может быть, ещё более по самой земле-кормилице. Как преступно брошенная неблагодарными детьми в какой-нибудь захудалой «неперспективной» деревне – не старая труженица мать, она стала «ничейной» и вследствие этого безымянной.

Язык чутко отразил чудовищную деформацию нашего сознания, утратившего вековые неразрывные связи с питательной средой, с первоосновой человеческого бытия – родною почвой. И постепенно исчезли, были вытравлены из нашей речи неповторимые собственные имена пахотных полей и сенокосных угодий, издревле овечьих легендами урочищ, милых сердцу перелесков, ложбинок, бугров, волновавших детское воображение буераков, оврагов, убежавших к горизонту большаков, травянистых просёлков, пешеходных троп с их причудливыми развилками. Всё было заброшено, забыто, обезличено».

Громову выпала нелёгкая доля – осмыслить то, что произошло со страной и Орловщиной в XX веке, найти новые, неизвестные прежде страницы истории, без идеологических шор взглянуть на события, предше-

ствовавшие революции 1917 года, на весь век XIX...

Помню, с какой страстностью Громов взялся за анализ, казалось бы, хрестоматийного тогда «Дела о буйстве Тургенева». История якобы приключилась, когда студент Иван Тургенев приехал на зимние каникулы домой в Спасское-Лутовиново. И узнал, что Варвара Петровна продала свою крепостную Лушу соседской помещице за то, что та проявила «смутьянство» и заступилась за кого-то из дворовых слуг. Поэтому Тургенев-де похитил девушку и спрятал в одном из близлежащих к Спасскому селений. После доноса властям к нему поехали жандармы. Далее предоставлю слово самому Громову, язвительно пересказывающему публикацию дореволюционного журнала «Исторический вестник»: «Навстречу непрошенным гостям он решительно вышел на крыльцо с заряженным ружьём. Более того, прицелился в некоего безымянного капитан-исправника, да ещё припугнул его таким грозным окриком, что и блюститель закона и понятия разбежались...

И всю эту псевдореволюционистскую галиматью всерьёз повторяют и даже смакуют несколько поколений биографов великого писателя. А ведь каждый школьник знает, что при богатырском телосложении Тургенев никогда не имел «грозного голоса». Представить же его с ружьём, нацеленным на безоружного человека, можно только в бреду... Полно нам рисовать великого писателя-гуманиста, исповедовавшего до последнего вздоха – в каждом своём поступке и в каждой строке – этику ненасилия, таким грозным мстителем или боевиком. Выдумщик липового «дела о буйстве» хотел и сам передавать в художественных образах сокровенные мысли и чувства простого народа. Но не получилось у него ни одной дельной собственно-художественной вещи. А его попытки рядить архивные до-

кументы, иные из которых он действительно сумел выявить и напечатать, непременно в пунцовый коленкор, породили в целом ряде случаев развесистую клюкву... Дело о «буйстве» Тургенева, писателя и человека, противостоящего всем и всяким формам насилия, никогда не существовало и было довольно топорно сработано и впервые тиснуто 85 лет назад» («Дело о буйстве Тургенева» – было ли оно когда-нибудь? // Поколение, 1993, 26 окт.).

А вот страстные строки Громова в защиту репутации первых советских краеведов Орловщины: «...прочитанные мною в Орловском областном архиве уцелевшие подлинные приказы местного губоно за январь и февраль 1928 года: «Зав. областным музеем тов. Ткачевского, ввиду его ареста, освободить от работы по музею... с 1-го января с. г.». «На должность зав. обл. музеем в г. Орле с 27 сего февраля назначить тов. Покровского Н.К. Бывшего зав. музеем тов. Ткачевского, как находящегося под арестом более двух месяцев, уволить от службы того же 27-го февраля».

Эти с виду бесстрастные, дебильно-чиновничьи строки, похожие, однако, на взмахи рабовладельческого хлыста, побудили меня продолжить поиск. Мотивировка устранения от занимаемой должности и дата первого ареста П.С. Ткачевского – 1927 год – меняют наши представления о судьбе подвижников русской культуры в те годы: их целенаправленное «отбрасывание», а иногда и физическое истребление стали тогда сокровенной целью и сутью так называемой «культурной революции» нашенского образца. «Дело краеведов» – отнюдь не чья-то «ошибка», а всего лишь эпизод, памятное звено в цепи бесконечных чисток, разоблачений, перестроек и т.п. Поистине, ни на минуту не прекращалась охота на лучших специалистов, на профессионалов, истинных знатоков своего дела. Их выслеживали,

шельмовали, отлавливали, отстреливали... Краеведы, как мелкая рыбёшка, попали в более широкую сеть, закинутую в народное море, чтобы выловить из него разом науку, культуру, интеллект, всегда ненавистные любому тоталитарному режиму» (Первый арест П.С. Ткачевского // Вешние воды, 1997, № 2). Примечательно, что эту публикацию Громов подписал, помимо фамилии, ещё и указанием своей профессиональной принадлежности: «Краевед с 1952 года».

Будущее России он видел в свободном развитии образования, культуры, литературы. Неслучайно тогда его пристальное внимание привлекла история недолго существовавшего в Орле в послереволюционное время университета. Громов погрузился в архивные залежи, извлёк на свет Божий немало свидетельств в пользу того, что Орёл уже давно мог стать городом с университетским статусом. Публикации Громова на эту тему в научных сборниках, в «Орловской правде», без сомнения, склонили общественное мнение в пользу того, что преобразование педагогического института в Орловский университет – дело правильное. Так со временем и вышло. Однако вернёмся в 1992 год и вчитаемся в тезисы Громова:

«Мысль о создании высшего учебного заведения университетского типа с педагогической направленностью в Орле, как в одном из центральных по самому географическому положению и одном из коренных по своей исторической роли городов России восходит ещё к временам Екатерины II. У земляков всемирно признанных писателей – классиков, просветителей и гуманистов, никогда не угасала мечта о создании на их родине универсального высшего педагогического заведения...»

Действия Конрада в качестве ректора были глубоко профессиональны и компетентны, а потому решительны и точны...

Работники орловских Госуниверситета

и Высшего педагогического института составляли своего рода академическую республику... По словам Конрада, «главным было и навсегда осталось честное и нередко даже самоотверженное служение любимому делу и своему призванию»...

В открывшемся через десять лет Орловском «индустриальном педвузе имени тов. Бубнова» долгое время гуманитарными науками и не пахло. А когда под давлением естественного хода и запросов самой жизни они всё-таки стали, хотя и очень робко, но всё же тесниться где-то на окраине учебных планов, от былой академической республики в среде новых преподавателей не осталось и следа. Само воспоминание о ней могло бы выглядеть уже политической крамоллой» (выдержки из научной статьи 1992 года «Орловский государственный университет (1920 – 1921) и высший педагогический институт (1921 – 1922)»).

Привожу эти несколько примеров «политической публицистики» Громова 1990-х годов, чтобы лишний раз показать – он не был кабинетным, чисто академическим учёным. В то же время он не был записным публицистом, откликающимся только на злобу дня. Напротив, последнее десятилетие в его жизни было исключительно насыщено работой, полемикой, мучительными думами о прошлом и полными надежд думами о будущем. Он стал первым редактором научного сборника «Спасский вестник», был постоянным участником «Тургеневских чтений», членом учёного совета музея-заповедника «Спасское-Лутовиново». Делая попытку обобщить круг исследовательских забот Громова в то время, назову несколько, на мой взгляд, основных направлений:

1. Дальнейшее исследование жизни и творчества И.С. Тургенева, работа над Тургеневской энциклопедией.

2. Работа над собранием сочинений Н.С. Лескова.

3. Работа в архивах Орла, Москвы и Санкт-Петербурга не только по тургеневской теме, но и параллельно по широкому кругу тем из истории Орла и Орловского края.

4. Подготовка публикаций в периодике (а также цикла телевизионных передач, сборника очерков и статей) к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина.

Мне вспоминается чудный зимний вечер в январе, наверное, в 1994-м или 1995-м году. Возвращаясь домой с железнодорожного вокзала, я встретил Громова на бульваре Победы. И полчаса, может быть, больше слушал его рассказ о том, что занимало знаменитого литературоведа, весь тот день проработавшего в госархиве. Владимир Алексеевич был воодушевлён:

– А вы знаете, что Лесков-публицист ещё совершенно не прочитан? Слава Богу, в Москве взялись за издание его 30-томного собрания сочинений... Сейчас я тоже участвую в этом деле. Много есть вопросов, не всегда возможно сразу определить авторство в публикациях без подписи, но характерные лесковские интонации помогают почти с уверенностью делать это.

«Биржевые ведомости», «Вечерняя газета», «Русский мир», «Гражданин», духовная пресса – таким было обширное поле публицистики Лескова. И вскоре, в 1996 году, благодаря труду в том числе и орловских исследователей творчества Лескова, вышел первый том собрания сочинения. У первенца 30-томной серии оказался непривычно большой объём – более 900 страниц. Почти целиком книга состояла из газетных и журнальных публикаций 1859 – 1862 годов. Затем последовали очередные тома собрания сочинений. Для орловцев приятным открытием стало то, что множество статей земляка-классика из центральной печати 1880-х годов буквально по следам появлялось на страницах «Орловского вестника». Не с под-

сказки ли самого Николая Семёновича? – высказал тогда предположение Громов.

Но главной темой, конечно же, оставалась тургеневская. В 1995 году в орловском издательстве «Вешние воды» вышла его книга «Месяц в столицах», удостоенная всероссийской литературной премии имени Н.М. Карамзина «За отечествоведение». В канун 150-летия рассказа «Хорь и Калиныч» Громов писал в орловской газете: «Приближается полуторавековой юбилей рассказа, успех которого породил великую книгу о России и русских – «Записки охотника». Народ и время – самые непогрешимые ценители. Только благодаря им, по словам великого критика Белинского, слышанным от него не раз Тургеневым, всякий рано или поздно попадает на свою полочку. С «Хорем и Калинычем», положившим начало бессмертному циклу рассказов и очерков, вышло то, что он сразу занял подобающее ему место в сознании читателей и критиков. Первый по времени появления в печати он навсегда остался первым и по своим достоинствам... Только при жизни автора его рассказы и очерки переиздавались, перепечатывались на родном языке свыше ста двадцати раз. Одновременно они переводились сначала на европейские, потом и на другие существующие в мире языки, становясь тем самым достоянием всего читающего человечества» (Самое долговечное // Поколение, 1996, 25 июня).

Тогда же взялся Громов за, пожалуй, главный труд жизни – за подготовку словарных статей для Тургеневской энциклопедии. Житель родного города Тургенева, блестящий знаток старины, умудрённый учёный, он успел написать более пятисот статей для этого фундаментального издания. Но даже эта феноменальная цифра вряд ли что скажет современному неискущённому читателю. Чтобы понять грандиозную значимость вклада Громова, приведу обширную цитату

из письма Громову, написанного в феврале 1998 года учёным секретарём Тургеневской энциклопедии Натальей Генераловой (ныне она возглавляет Тургеневскую и Фетовскую группу в Пушкинском доме):

«Знаете ли Вы, что эту энциклопедию мы должны будем назвать *Громовской*? Ведь четверть работы – Ваша. Если бы не Ваша решимость, неиссякаемый энтузиазм и преданность Тургеневу, мы бы ещё долго барахтались в самом начале работы. Это Вы подтолкнули и стимулировали всех остальных... Надеюсь, что и в дальнейшем Ваша доля будет той же, но идти первым всегда труднее всего, так что держите эстафету!» Громов был приглашён в Санкт-Петербургский университет для чтения курса лекций о писателях-орловцах. Ректор Л.А. Вербицкая была потрясена сочетанием в нём высшего университетского академизма и горячей эмоциональности. Именно тогда учёный совет Пушкинского дома (авторитетнее этой организации в изучении русской литературы XIX нет) единогласно принял решение выдвинуть кандидатуру орловского литературоведа на присвоение почётного звания заслуженного деятеля науки России.

Работая в архивах в поиске самых точных сведений для энциклопедии, Громов многое открыл и для истории Орла. Находками он охотно делился не только на страницах местной периодики, но и выступая на заседаниях клуба «Орловский библиофил» при областной библиотеке имени И.А. Бунина. Для краткости просто перечислю названия тех заседаний: «Неизвестные страницы орловской культуры: новые документы об истории Орловской губернской библиотеки и музея-библиотеки имени И.С. Тургенева» (1993, 23 марта), «Где родился И.С. Тургенев? Место дома Тургеневых в Орле по печатным источникам» (1994, 22 нояб.), «Орловский комитет народных чтений и его культурно-просветительская деятельность» (1995,

18 апр.), «К истории публичной библиотеки в Орле. Новые документы» (1996, 19 марта), «На Болховской у Кашкина» (1996, 24 дек.), «Мои архивные находки» (1998, 20 февр.).

Одна фраза из его выступления так поразила меня, что я записал тогда: 19 марта 1996 года на заседании клуба «Орловский библиофил» – «Искать в архиве нечто интересное – дело безнадёжное. В архив можно идти как в церковь, как идёшь на выполнение жизненной задачи. Здесь ничего специально не найдёшь. Здесь можно просто соотносить своё видение мира с документом».

Тогда я сам ещё не работал в архивах, но краеведение меня интересовало живо. И Громов вполне одобрял этот интерес. К примеру, когда в «Орловской правде» был напечатан мой отчёт об открывшейся в музее И.С. Тургенева выставке местной печати революционной поры, Громов похвалил эту публикацию («Юноша, у вас есть краеведческая хватка!»). К нему я обратился спустя годы с просьбой быть редактором моей книги «Время странствий: эпохи и судьбы». Педантичный профессор прочитал рукопись, кое-что посоветовал добавить (и сразу назвал имена, факты), пожурил за претенциозное название («Эпохи, знаете ли, друг мой, это звучит слишком громко...»), а в итоге похвалил: «Опрятная получилась книжица!». Были планы нашей совместной работы по изучению губернской периодики (Громов планировал составить раздел «Русские писатели на страницах газет»)...

Встречались мы часто: на краеведческих и библиофильских заседаниях, просто на улице в центре города, а с моим вступлением в Союз писателей – и в писательской организации. Казалось, что Громов ещё долго будет с нами. Но иногда я стал замечать какую-то грустинку в его глазах. Даже за праздничным столом он порой был так задумчив и сосредоточен на чём-то внутри себя... Тогда казалось, что это просто по-

груженность в очередной замысел писателя-литературоведа.

В 1999 году коллега по цеху – писатель и тележурналист Владимир Переверзев – пригласил Громова в телестудию. Их потрясающие беседы о гении русской поэзии, снятые на видео, составили цикл «Беседы о Пушкине». Эти передачи стали украшением юбилейного года. Тогда же в издательстве «Вешние воды» вышла в свет книга Громова «Под сенью Пушкина». Летом в составе писательской делегации Орловщины он побывал в Михайловском, Тригорском и других пушкинских местах под Псковом. Его спутники заслушивались рассказами Громова о литературе, поэтах, книгах...

По приезде в Орёл состояние Владимира Алексеевича резко ухудшилось. До последнего дня он не сдавался, не терял надежды. Но недуг брал своё. Смерть вырвала его из наших рядов в трагические для всей страны дни – как раз тогда были взорваны в Москве, Буйнакске и Волгодонске несколько многоэтажных домов. Погибли более 300 человек, 1700 были ранены. И вот ещё одна страшная весть: умер 23 сентября 1999 года профессор Громов...

Василий Катанов написал в тот день:

*Себя мой друг берёг и не берёг,
В иную жизнь и верил, и не верил.
Гляжу, уже собрался за порог
И вот уже стоит у самой двери.
Ещё по-старому ручьём струится речь,
Ещё по-прежнему бессонный ум в работе.*

*А некто в белом встал уже у плеч,
Чтоб душу взять на первом повороте.
Одно мгновенье,
Один короткий шаг –
И «до свиданья, друг мой, до свиданья!»
Ну, а пока гудит ещё в ушах
Грудь его тяжёлое дыханье.
Ещё большая сила в нём жива,
Что целый зал, как буря, поднимала...
Всё реже, всё обдуманней слова,
И слово Бог на первом месте встало.*

Прощались с Владимиром Громовым в польском корпусе университета, в 108-й аудитории, той самой, где стоит большой бюст Ивана Тургенева. Гроб с телом неистового ревнителя литературы утопал в красных гвоздиках, вокруг собрались писатели, музыканты и краеведы, филологи – в годах и совсем юные, люди не прятали полные слёз глаза. Звучали надгробные речи, слова прощания...

Прошло уже почти два десятилетия. Жизнь движется дальше и дальше. Но хочется верить, что дело Громова никогда не завершится, не остановится. Ведь он так любил повторять любимые строки Вероники Тушновой: «Ничто на свете не кончается, лишь поручается другим». Тургенев каким-то таинственным образом «поручил» Громову быть его душеприказчиком и хранителем наследия. Громов поручил своим ученикам и младшим коллегам продолжать поиски в архивах, изучать литературное былое, сеять разумное, доброе, вечное...

